

Контингент пресловутого "архипелага ГУЛАГ" в марте 1953 года составлял 2,5 миллиона человек, несколько больше полутора процентов населения страны. Любопытно сопоставить эти данные с сегодняшним положением дел в США. На конец 1999 года в "цитадели прав человека" зафиксировано за два миллиона заключенных, вдвое меньше на 100 тысяч населения (около 0,75%), чем у нас при Сталине (См.: там же. С.16). Но и страна другая, и эпоха не та. Одно дело – государство и общество, претерпевшее в течение полувека на своей территории драмы трех революций и двух мировых войн, едва залечившее раны последней из них, и совсем иное – государство и общество, сумевшее два века оставаться в стороне от разорительных вторжений, извлечь колоссальный экономический выигрыш от сражений на чужих континентах и занять уникально выгодные геополитические позиции.

Впрочем, приведенные российские данные по США поправляют сами американцы. И, что интересно, в сторону увеличения. Так, М.Соуса утверждает, "что количество заключенных в тюрьмы в США в 1996 г. составило 5,5 млн. человек", – оно "сегодня на 3 млн. больше, чем когда-либо было в СССР!" (Соуса М. ГУЛАГ: архивы против лжи. М., 2001. С.10).

До сих пор историки в долгу перед народом, не дав должную принципиальную оценку двух негативных явлений в советском прошлом – фактов массового доносительства в 30-х годах и фактов изменничества – в начале 40-х.

Явление доносительства было отмечено в известном, долго замалчивавшемся постановлении январского (1938 года) Пленума ЦК ВКП(б). В нем верно указывалось, "что многие наши парторганизации и их руководители до сих пор не сумели разглядеть и разоблачить искусно замаскированного врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраняться в рядах партии – это во-первых – и, во-вторых, стремящегося путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах" (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч.III. М., 1954. С.312).

Кто, к примеру, побуждал упомянутую в документе заведующую отделом Ростовского обкома Шестову инспирировать исключение из партии 30 безвинных коммунистов пединститута? Какая сила заставила секретаря Киевского обкома Кудрявцева провоцировать половину городской парторганизации подать политически компрометирующие заявления на другую ее половину? "Демократская" журналистика вылепила, в частности, из Михаила Кольцова и Всеволода Мейерхольда – фигур, по-настоящему крупных и заслуженно популярных – кумиры святых великомучеников. Но у всего этого выпячивается и другая сторона. Кольцов, уличенный руководителем интербригад Андре Марти в связях с испанскими троцкистами, после второго допроса и месячной паузы стал давать показания на (назову только известные имена) подругу Маяковского Лилу Брик, ее мужа Осипа и сестру (жену Арагона) Эльзу Триоле, на пушкиниста Зильберштейна, писателей Вишневского, Ставского, Пастернака, Эренбурга, Бабеля, Евгения Петрова, Кирсанова и Алексея Толстого, на кинорежиссера Кармена, артистов Сац, Берсенева и Гиацинтова, дипломатов Литвинова, Майского и Потемкина, на ряд военных, даже на свою жену Марию Остен (См.: Сопельняк Б. Смерть в рассрочку. М., 1998. С.149 и др.).

Похоже вел себя Мейерхольд. На допросах он говорил о своем "антисоветском влиянии" и о якобы близких настроениях Эйзенштейна, Охлопкова, Дикого, Гарина, Олеси, Пастернака, Шостаковича, Шебалина, Сейфуллиной, Кирсанова, Всеволода Иванова, Федина, Эренбурга и др. Правда, потом Всеволод Эмильевич от этих наветов отказался (См.: там же. С.238 и др.), они не помешали перечисленным деятелям внести свой вклад в золотой фонд советской культуры. Но как вела себя прочая доносительская мошара (имя ей – легион), мы и поныне почти не знаем. Без тщательного социологического изучения ее следов в архивах – этой стихийной отрывки классово-борьбы и буржуазно-обывательской психологии – нам не уяснить всех причинно-следственных связей того, что столько лет приписывается "культу личности". Пожалуй, отчасти прав историк В.Т. Логинов, которого никак нельзя причислить к "сталинистам". "Террор 1937 года имеет свою логику, – рассуждал он. – Сталин вряд ли планировал репрессии в таких масштабах. Но террор – как снежный ком. Берут одного, он с испугу называет еще десять человек, значит, их тоже нужно брать, они тоже кого-то называют, цифры растут" (Караулов А.В. Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М., 1990. С.59). Тут историкам, как говорится, еще пахать и пахать.

В декабре 1977 года мне довелось беседовать с В.М. Молотовым, которому тогда шел 88-й год. Вячеслав Михайлович по-прежнему искренне считал предвоенную кадровую чистку правильной в целом мерой, предотвратившей образование в стране "пятой колонны". "Иначе мы потеряли бы поражение", – сказал он. Подобное мнение в предсмертном интервью с горечью выразил со своей стороны Гитлер (См.: Война и мы. Кн. 2. М., 2001. С.84). Повторяли его и наши союзники. Если и при этих условиях, по некоторым сведениям, на германских фашистов работало до 1,5 миллиона предателей Родины (См.: Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000. С.782), можно представить себе, какой опасности мы избежали. Ваш покорный слуга не стал бы говорить об этих вещах, если бы осенью 1942 года не наблюдал в оккупированной маленькой Элисте формирование немецкой полиции и двух фронтовых эскадронов преимущественно из дезертиров кавалерийской дивизии полковника Хомутникова, если бы не видел двух городских голов – русского, по фамилии Труба, и калмыка Цуглынова, не был на похоронах сотен жертв четырехмесячного гитлеровского террора...

Полтора десятилетия "перестройки" и "реформ", во многом мотивированных жупелом сталинизма, привели нас, дав соответствующий фактический материал, к необходимости новых выводов и обобщений. Самое важное из них состоит в том, что результатом хрущевско-горбачевских переворотов явилось не затухание или же прекращение, а, напротив, усиление и обострение классовой борьбы. Перевод ее на качественно новую ступень с реставрацией социального антагонизма в его наиболее вульгарном и контрастном виде, когда преступной плутократии объективно противостоит коварно ограбленная и психологически зачумленная масса пролетариума населения.

Для вас не открытие старое марксистское положение о трех основных формах классовой борьбы – экономической, политической и идеологической. Это положение Ленин конкретизировал определением пяти новых специфических форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. Таковыми явились а) подавление сопротивления эксплуататоров, б) гражданская война, в) нейтрализация мелкой буржуазии, первоначально крестьянства, г) использование на службе пролетариату профессионалов из буржуазии, д) воспитание новой дисциплины (См.: ПСС. Т.39. С.261-264). К началу 80-х годов в литературе считалось, что из этих форм сохраняется только последняя – воспитание новой дисциплины, да и то правящая партноменклатура всякий раз пожевивалась при упоминании о ее классовой сущности.

Выплеск классовой борьбы во второй половине 80-х, заставший наши кадры врасплох, связан и с тем, что теоретическая работа на тему ее дальнейшей модификации фактически оказалась на нуле, а вместе с ней и трезвое понимание происходящего.

Еще в ноябрьском (1938 года) постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия", подписанном Молотовым и Сталиным, вскрывались факты безответственного отношения к следственному производству и грубого нарушения установленных законом процессуальных правил. В нем указывалось на подрывную деятельность в органах НКВД и Прокуратуры чужеродных элементов, которые "сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали

следственные документы, привлекала к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью "дела" против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности" (Соч. Т.14. С.286).

Как и в январском постановлении ЦК, в этом документе сталинское руководство приближалось к пониманию двойственности известных карательных мер и к видению новых зигзагов классового противостояния. Однако Сталин и его соратники еще не вывели из всего этого тезис о чужеродном (бело-националистическом и оппортунистическом) проникновении в правоохранительные структуры как еще одной, развившейся уже после Ленина, форме классовой борьбы. Между тем, для них не были тайной идущие извне директивы о внедрении со стороны как белогвардейской эмиграции (в частности РОВС), так и троцкистских центров. Финал нам известен. Это – навешивание на Сталина и партию всех жертв войн, эпидемий и социальных конфликтов (в том числе погибших в схватке с фашизмом); это – "реабилитация" подчас заведомых негодяев и недругов трудящихся; это – рассеянный склероз и морально-политический паралич ЦК и КГБ в 1991 году.

Другой формой классовой борьбы, не отмеченной ранее, нельзя не признать чужеродное проникновение в мозговые структуры партии и государства особенно Академии наук, со второй половины 50-х годов. Мало того, что после смерти Сталина партию ни разу не возглавил сопоставимый деятель, совмещающий способности дальновидного теоретика с широким кругозором и крупнейшего организатора производства и общественной жизни. Грамотные общественники вообще перестали фигурировать в высшем руководстве КПСС.

На последнем присталинском (XIX) съезде в Президиум ЦК было избрано пятеро таковых (О.В. Куусинен, И.В. Сталин, М.А. Сулов, Д.И. Чесноков, П.Ф. Юдин), однако в марте 1953 года они все (почивший Сталин не в счет) были оттуда удалены. Возвращение в этот орган Сулова (1956), а потом и Куусинена (1961) в сущности ничего не добавило. Сулов, умерший в январе 1982 года, не отличался новаторским типом мышления, Куусинен же, видимо, вспомнив свою социал-демократическую молодость, "отличился" умозрительным упразднением диктатуры пролетариата (См.: Бурлацкий... С.37-39, 41-42), что тяжко потом сказалось на судьбах советской системы.

В 1972 году кандидатом в члены Политбюро (переименованный Президиум) был избран историк Б.Н. Пономарев, но он не улучшил погоду. Спустя полтора десятилетия, в 1987 году в этом качестве там появился могильщик большевизма А.Н. Яковлев, что символизировало "начало конца". Почти сорок лет высшее руководство КПСС, отказавшись от самостоятельного стратегического анализа и планирования, довольствовало популяризаторскими поделками референтов, консультантов и помощников, выдаваемыми за коллективную мудрость партии, и попирало свою обязанность вести страну согласно предписаниям достоверной передовой теории. Надо ли удивляться, что почти вся эта "умственная" челядь, выброшенная со Старой площади в августе 91-го, стала искать себе убежище не в протестующем "простонародье", а в комфортабельном Фонде Горбачева?

В качестве третьей из новейших форм классовой борьбы я назвал бы целеустремленное отщепление партии от рабочего класса, противопоставление рабочего класса партии, его дробление и разобщение вплоть до утраты им адекватного самосознания и своего общественного лица. Шахтерские забастовки 1989 года и поведение профсоюзов в дальнейшем – наглядный тому пример.

Вы видите, что рассмотрение сегодня решений XX-XXII съездов о "культе личности" окрашивается мрачными тонами буржуазно-бюрократической октреволюции рубежа XX-XXI веков. Догадывались ли, знали ли мы о ее возможности задолго до того, как она на нас обрушилась? Несомненно. "Мы не знаем, – писал Ленин 6 октября 1917 года, то есть в канун успешного восстания, – победим ли мы завтра, или немного позже... Мы не знаем, как скоро после нашей победы придет революция на Западе. Мы не знаем, не будет ли еще временных периодов реакции и победы контрреволюции после нашей победы, – невозможного в этом ничего нет – и потому мы построим, когда победим, "тройную линию окопов" против такой возможности" (ПСС. Т.34. С.374). Такой "тройной линии окопов" у партии, которая не пересмотрела поспешные хрущевские заявления об "окончательной" победе социализма (XXI съезд) и об отмене диктатуры пролетариата (XXII съезд), увы, не оказалось.

В июне 1925 года слушатели Свердловского университета спросили Сталина о возможности нашего перерождения в условиях временной стабилизации мировой капиталистической системы. Сталин ответил на этот вопрос утвердительно и указал на три опасности, существующие и вне связи со стабилизацией:

- а) опасность потери социалистической перспективы в деле строительства нашей страны и связанное с этим ликвидаторство;
- б) опасность потери международной революционной перспективы и связанный с этим национализм;
- в) опасность падения партийного руководства и связанная с этим возможность превращения партии в придаток государственного аппарата" (Соч. Т.7. С.164).

Смею утверждать, что все эти опасности были реализованы в 1985-1991 годах. Из-за нехватки времени я опускаю более подробный анализ, данный в Досье "Гласности", и обращаю ваше внимание на № 10 за текущий год.

Теперь несколько слов о поведении Сталина в начале Великой Отечественной войны. Знал ли Сталин о неизбежности и времени фашистского нападения на СССР? Да, знал. Верил ли он Гитлеру? Нет, не верил.

Принимал ли необходимые меры по укреплению обороноспособности страны? Да, принимал. 5 мая 1941 года на встрече с выпускниками военных академий Сталин по сути прямым текстом предупредил, что советским военным надлежит похоронить миф о "непобедимости" германской армии (См.: Новое время. 1991 г. №19.стр. 37-38). Вместе с тем он считал, что Красная Армия в материально-техническом отношении будет в состоянии нанести поражение врагу только через полтора года. Это, кстати, поразительно подтвердилось на примере Сталинградской операции. 7 ноября 1941 года в осажденной Москве Сталин обещает решающий поворот через "несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик" (Соч. Т.15. С.85), а через год, 19 ноября 1942-го начинается знаменитое наступление Донского фронта во главе с К.К. Рокоссовским.

Веет притворством за версту от попыток взвалить на Сталина вину за взлом фашистами нашей линии обороны на рассвете 22 июня 1941 года. Дело в том, что он в рамках своей компетенции "не занимался непосредственно оперативнотактическими вопросами вооруженных сил, никогда не инспектировал войска, не проверял их боеготовности, полностью полагаясь в этом деле на наркомат обороны...". Не его вина, что НКО (С.К. Тимошенко) не контролировал должным образом исполнение ускоренных мероприятий по повышению боеспособности войск на западной границе, в том числе распоряжения Генерального штаба(Г.К. Жуков) от 18-го и собственного приказа от 19 июня о приведении войск в боевую готовность. По мнению адмирала флота СССР Кузнецова Н.Г., поведение которого в момент агрессии явилось образцовым, "И.В. Сталин представлял боевую готовность наших вооруженных сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах" (См.: Война и мы. Кн.1. М., 2000. С.67-70). Преступной халатностью тогда "прославился" командующий Западным особым военным округом Д.Г. Павлов.